

16+

Виктор ДЯКОВ

ПОЛЕ БИТВЫ

Виктор Елисеевич Дьяков

Поле битвы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42132615

SelfPub; 2019

Аннотация

Заместитель главы Управы одного из московских муниципальных районов получает от своего шефа задание разобраться с тремя поступившими в секретариат анонимками. В них рядовые граждане жалуются на конкретных персон: высокопоставленную чиновницу, спортивного тренера, секретаря союза писателей. Чиновник приглашает этих людей и в ходе бесед выясняет нечто, их "роднящее". Эти трое совершенно разных человека, прибывшие в Москву из ближнего зарубежья, сумели здесь пристроиться и сделать неплохую карьеру. Но в то же время они животной ненавистью ненавидят город и живущих здесь людей. Он для них, как и вся Россия – добыча, объект завоевания.

Содержание

1	4
2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

1

– Вызывали, Николай Иванович!? – в кабинет главы Управы одного из московских муниципальных районов вошел среднего роста, кряжистый, с зачатками тучности человек лет пятидесяти пяти.

– Да, заходи Игорь Константинович, садись, – глава района, пятидесятилетний, худощавый, лысоватый, указал на стул для посетителей...

Игорь Константинович Рожков, совсем недавно назначенный одним из заместителей главы Управы, бывший военный, полковник в отставке ... После увольнения из армии он некоторое время перебивался на малозначительных должностях в префектуре округа и вот, наконец, его назначили на серьезную должность, хоть и в нижестоящую инстанцию, но на настоящее «живое» дело. Но надежды отставного полковника пока что не оправдывались, ибо он уже третий месяц ходил по коридорам районной Управы, а его будто и не замечали местные старожилы. Да и сам Николай Иванович приглядывался, но пока что даже примерно не очертил круг обязанностей одного из своих многочисленных замов. И вот, судя по всему, шеф, наконец, решил-таки поручить ему что-то.

Так, во всяком случае, думал Игорь Константинович.

– Ну что, обжился немного у нас? – шеф ко всем своим подчиненным обращался на «ты», но при этом взаимного панибратства не терпел.

Рожков к этому был готов, и хоть не без усилия принял такую манеру общения, когда ему эдак небрежно «тыкали», а он в ответ вынужден уважительно говорить «вы».

– Да вроде, привыкаю, – бодро ответил на вопрос Рожков.

– Я тебя вот зачем пригласил, – длинное лицо шефа из покровительственно-валяжного сразу сделалось озабоченным, едва он, пожав руку Рожкова, вновь опустился в свое кресло. – Тут у нас возникла, в некотором роде, нештатная ситуация, в связи с тем, что мне необходимо срочно убыть в загранкомандировку. За меня останется Симонов, а тут как специально накопилась прорва первоочередных дел, и ему одному никак не разгрести, вот потому я заранее и озадачиваю всех замов. Потому, Игорь Константинович, решил я и тебя задействовать, поручить одно довольно щекотливое дело. Видишь ли, нам постоянно приходит много писем со всевозможными жалобами, и среди них немало анонимных. Как сам понимаешь, на анонимки мы не отвечаем, но их читаем. Среди них попадаются такие, что заслуживают само-

го пристального внимания. Я тут просматривал бегло те, что поступили ко мне из секретариата, и некоторые из них отложил для более детального рассмотрения. А вот три из них ... ну как мне кажется, учитывая твой жизненный опыт, ты же бывший военный и бывший спортсмен и даже литературой баловался. Так вот я думаю, с этими тремя, изо всего нашего персонала, сподручнее будет тебе разобраться, и сделать выводы, что там правда, а что наговоры. Сейчас я тебя в курс введу.

Николай Иванович наклонился к одной из тумб своего большого письменного стола, выдвинул ящик и достал папку, в которой, по всей видимости, и лежали анонимные послания.

– Первая, это жалоба на высокопоставленную сотрудницу нашей управы, небезызвестную Золотницкую Нину Николаевну, моего зама по потребительскому рынку, – шеф не смог сдержать прежнего выражения непристрасного равнодушия на своем лице, при упоминании этого имени. Явно против воли кратковременная гримаса неприязни, выдало его истинное отношение. – Конечно с ней, как со своим непосредственной подчиненной должен бы я сам разбираться. Но мне очень бы хотелось, чтобы по такому непростому делу сначала поговорил бы ты, человек у нас новый, и потому беспристрасный. К тому же ты бывший офицер, полковник,

а она жена полковника. Не стану скрывать у нас натянутые отношения, и лучше мне с ней пока не говорить по этому поводу, она все воспримет как необъективность, продиктованную личной неприязнью. Почитай это письмо, поговори с ней, и как она тебе покажется. Ну, а выводы потом мне доложишь. Вот держи письмо, тут про нее такое, что даже я, с трудом переваривающий эту Нину, не могу поверить. Бабенка она конечно склизкая, но чтобы взятки брать прямо в кабинете ... В общем, разрешаю действовать от моего имени, вызови ее, поговори, разберись. Держи, – шеф достал из папки и передал лист бумаги и прикрепленный к нему скрепкой конверт ...

– Вторая анонимка на некоего азербайджанца Курбанова. Тут пишет не то старуха, не то целая группа пенсионеров из того дома, где этот Курбанов организовал вроде бы спортивную секцию по тяжелой атлетике, да видимо, занимается там не только спортом. Ты же, я слышал, в молодости штангу таскал, верно? ... Ну, так и здесь тебе карты в руки. Вызови к себе этого добровольного тренера и выясни, что он из себя представляет, действительно тренер, или все это для отвода глаз, а на самом деле он там типа притона для своих земляков устроил, как в этом письме говорится. Но я тебя попрошу, в разговоре с ним не высказать даже негативного намека на его национальную принадлежность. А то, знаешь, у нас сейчас кого угодно можно оскорбить без всяких послед-

ствий, немцев, американцев, русских запросто, а вот кавказцев нельзя, обидчивые очень. Что я тебе объясняю, сам не маленький, понимать должен, – шеф вздохнул и взялся за третье письмо. Чувствовалось, что самое «щекотливое» дело он оставил напоследок, о том говорило и то, как он болезненно поморщился, и то с какой неестественной осторожностью держал письмо в руках: «... берет как ежа, как бритву обоюдоострую». – Это Константиныч дело самое деликатное, и опять по твоей части. Помнишь, на последнем банкете в честь ветеранов, перед девятым мая, ты хвастал, что серьезно увлекался литературой, писал стихи и даже печатался?

– Так точно, было дело, – привычно, по-военному отреагировал Рожков. – Мои вирши, действительно печатали в нашей окружной газете и даже пару раз в журнале «Советский воин».

– Ну вот, тебе сподручнее будет разобраться и с этой анонимкой. В ней жалуются на одного секретаря Союза писателей. Несколько лет назад он от этого Союза получил квартиру в нашем районе и организовал при одной из библиотек литературную студию. В письме его обвиняют в рвачестве и карьеризме, ну и мимоходом, что он и поэт плохой, и прозаик никудышный. Суть в том, что он использовал эту студию как вроде бы мероприятие «оптичил», доложил в Союзе писателей, и его за это на штатную должность поставили,

секретарем, после чего он эту студию сразу бросил. Тут так и пишут: поматросил и бросил. Почему я хочу, чтобы ты и эту анонимку рассмотрел? Этот писатель не последний человек в Союзе писателей и нам лучше бы быть в курсе, нежели в неведении, мало ли что. В общем, Константиныч, отнесись к этому поручению серьезно, все три анонимки очень непростые и безо внимания их никак нельзя оставлять, это не какие-то там бытовые дразги между соседями по коммуналке. Первая касается нашего далеко не рядового сотрудника, со всеми вытекающими, вторая затрагивает межнациональные отношения, третья связана с достаточно высокопоставленным функционером Союза писателей. Эти анонимки никак нельзя положить в стол. Не дай Бог, пожалуются выше нас и бабахнет там наверху, тогда уж нам точно не поздоровиться, за то, что не отреагировали на «сигнал» снизу. Тогда уж не станут разбираться, что «сигнал» был анонимным. Лучше загодя выяснить, что там наговор, а что имеет основания ...

Уже в тиши своего маленького кабинетика Рожков внимательно прочитал все три довольно пространных анонимных письма. Он понял, что шеф поручил ему весьма рискованное дело, которым, видимо, не захотели заниматься, ни он сам, ни другие заместители. Ну, а он, как человек «свежий», ни с одной из неофициальных «управных группировок» не связанный ... Если сделает что-то не так, на него и «собак повесить» можно и избавиться без лишней нер-

вотрепки. Действительно, разбираться с Золотницкой, которая уже шесть лет «сидит» на потребительском рынке, это чревато нажать себе очень опасного и влиятельного врага внутри самой администрации. Сделать негативные выводы из беседы с тем же Курбановым, значит рисковать вызвать недоброжелательную реакцию со стороны дружной азербайджанской диаспоры, болезненно воспринимающей «притеснения» своих земляков. Ну, уж и совсем не хотелось ввязываться в конфликт с одним из функционеров руководства Союза писателей. Потом так распишут в подконтрольных Союзу СМИ. Потому Игорь Константинович к беседам готовился серьезно: от имени шефа взял в отделе кадров трудовую книжку Золотницкой и проследил ее весьма извилистый «трудовой путь». Про тренера-азербайджанца узнать фактически не удалось ничего. Но Рожков, сам в прошлом штангист-перворазрядник, не раз участвовавший в соревнованиях по тяжелой атлетике, очень удивился тому факту, что тренером по тяжелой атлетике в Москве стал азербайджанец. Азербайджанцы вообще изо всех кавказских народов слыли едва ли не наименее спортивными. Если грузины, армяне, осетины, дагестанцы, чеченцы и прочие кавказские нации еще с советских времен выдвигали немало выдающихся мастеров именно в силовых видах спорта, то азербайджанцы особо не блистали. И если бы тренером по штанге стал любой другой кавказец, кроме азербайджанца, в том не было бы ничего удивительного, таковых в Москве имелось немало,

особенно по борьбе, но только не азербайджанец. Тут Игорь Константинович сразу почувствовал что-то не так.

Для разбора анонимки на поэта и прозаика Москаленко Николая Петровича, Рожков прежде всего сходил в ту самую библиотеку, где тот пять лет назад организовал литературную студию, фигурировавшую в письме. Летом студия не функционировала, но в коридоре висел красочный стенд с фотографиями, отражавшими работу и достижения районных писателей. На месте случилась заведующая библиотекой. Она охарактеризовала Москаленко в самых восторженных тонах и эпитетах, что косвенно подтверждало одно из пунктов обвинения обнародованных в анонимке: Москаленко за помощь в организации студии именно на базе данной библиотеки, используя свои связи и служебное положение «пропихнул» в Литинститут ее дочь. Этого Рожков, конечно вслух не высказал, а всего лишь попросил дать ему произведения этого «выдающегося современного писателя». В библиотеки они оказались представлены достаточно широко, и стихи, и проза. Он взял с собой несколько книг и дома на досуге прочитал ...

Начинать Рожков решил в «порядке поступления» писем, то есть с Золотницкой. К тому же ее было проще всего вызвать, ведь они работали рядом, в одном здании. Игорь Константинович зашел в кабинет главного куратора районной потребительской торговли и, как можно приветливее улыбаясь, проговорил:

– Нина Николаевна, когда у вас выпадут свободные полчаса-час, зайдите, пожалуйста, ко мне. Нам надо обсудить некоторые вопросы ...

Золотницкая появилась в кабинете Рожкова довольно быстро, не прошло и часа. Рожкову было известно, ей сорок девять лет, что у нее муж полковник в отставке и двое взрослых детей. Несмотря на возраст, внешне она, что называется, смотрелась: рослая, представительная, с тем типом добродности, которая не портит женщину в возрасте. Ко всему она великолепно одевалась. Вот и сейчас на ней оказался дорогой, прекрасно пошитый бордовый костюм, подчеркивающий достоинства ее фигуры, и, скорее всего, сглаживающий недостатки. Со вкусом были подобраны и украшения: большие серьги с изумрудами, такие же изумруды зеленели и в кулоне на золотой цепочке, и на массивном перстне. Лицо,

шая ... конечно, в какой-то степени кожа выдавала возраст, но чувствовалось, что их обладательница часто прибегает к услугам косметологов, тщательно следит за состоянием того, что не прикрыто одеждой. Так руки у нее тоже выглядели не по годам: холеные, с прекрасно наманикюренными ногтями. Весь комплекс этих мер не мог не дать результата: Нина Николаевна даже при ближайшем рассмотрении казалась на пять-шесть лет моложе, чем ей было на самом деле, ну а на расстоянии она смотрелась еще лучше.

— О, вы уже? — искренне удивился Рожков.

— Думаю, не стоит тянуть с этим вашим делом, — с проникновенной улыбкой проговорила Золотницкая, усаживаясь в кресло напротив хозяина кабинета. — Я ведь в курсе, зачем вы меня пригласили. Только не спрашивайте откуда у меня информация, я все равно не скажу, — улыбка Золотницкой имела хитровато-кокетливой «оттенок». — На меня пришла очередная кляуза, и шеф поручил вам в ней копаться. Не так ли? — теперь она смотрела уже с такой обезоруживающей уверенностью, что Рожков не сразу нашелся, что сказать.

— Да... вы правы, Нина Николаевна, — несколько отведя глаза, словно не выдержав ее взгляда, признался Рожков. — На вас действительно пришла анонимка и Николай Иванович поручил мне ...

– О, Господи, и не надоело ему!?! Сколько раз уже на меня писали и всякий раз без подписи и обратного адреса. Неужто, трудно уяснить, что все это бездоказательный поклеп. Нет, ему все хочется что-то раскопать, – уже зло заговорила Золотницкая, и ее лицо как-то сразу потускнело и состарилось. – Ну и что там на этот раз, на сколько миллионов я получила взятку, и на сколько меня советуют посадить?

– Нина Николаевна, поймите меня правильно, я всего лишь выполняю распоряжение Николая Ивановича и не имею целью уличить вас в чем-то. Понимаете, мы должны совместно с вами выработать общую линию поведения, если, не дай Бог, этот анонимщик, или анонимщики обратятся официально, например, в суд, или напишут в газету, или в более высшую инстанцию. Ведь в письме обнародуются некоторые факты, которые могут заинтересовать тех же борзых журналистов из «желтых» изданий. Надеюсь, вы не откажитесь их пояснить. Поймите, я не враг вам, и не хочу им быть.

Последние слова Рожкова имели целью вызвать Золотницкую на большую откровенность, но чтобы и с ней не поссориться и хоть как-то выполнить поручение шефа, который, судя по всему, вознамерился «достать» несимпатичную ему Золотницкую его руками.

– Ну, хорошо, давайте ближе к делу, а то ведь у меня и своих хватает, – подхватила мирный тон Рожкова Нина Николаевна. – Вы правы, будет лучше, если мы все обсудим и забудем. Шеф ведь по-хорошему со мной так ни разу и не поговорил, только эти свои непонятные намеки делал. Знаете, я даже рада, что он это дело вам поручил. Вы ведь человек в нашем серпентарии новый, и ни к какой шайке не принадлежащий. Так что, спрашивайте Игорь Константинович, я готов ответить на все интересующие вас вопросы, – Золотницкая говорила доверительно и смотрела дружелюбно.

Насколько она искренна Рожков, несмотря на весь свой жизненный опыт, определить не мог, ибо собеседница оказалась чересчур «тертым калачом».

– В этом письме вам в вину прежде всего вменяют то, что вы небескорыстно содействуете открытию магазинов, всевозможных палаток и прочих торговых точек, даете разрешение торговать на продовольственных рынках ... Ну, в общем содействуете в основном кавказским торговцам, как одиночкам, так и целым семейным кланам. Как вы это прокомментируете? Впрочем, если вы не хотите отвечать, я не настаиваю, – Рожков смотрел выжидательно.

– Ну что вы. Если я вот так сразу откажусь отвечать, вы

же будете иметь все основания поверить тому, что там написано. А я не хочу, чтобы у вас сложилось такое мнение,— на этот раз невесело усмехнулась Нина Николаевна. Чуть подумав, она спросила. — А значит конкретно, сколько и у кого я взяла взятки, и что за них позволила открыть ... про это ничего не пишется?

— Примеров с конкретными фамилиями нет, но приведены, если так можно выразиться, общие тенденции. Указано, что на территории расположенного рядом с Управой Пассажа, чуть не все торговые места вами отданы армянам, на торговом рынке возле станции метро восемьдесят процентов тех же мест отданы азербайджанцам, почти все мелкие и средние продовольственные, промтоварные и хозяйственные магазины тоже принадлежат либо азербайджанцам, либо армянам. Так же пишется, что вы препятствуете торговле на том же рынке русским, москвичам-пенсионерам, желающим торговать продуктами, собранными со своих дачных участков, жителям Подмоскovie и ближайших сопредельных областей, привозящих свою сельхозпродукцию. Нина Николаевна, что вы на все это скажете? — Рожков приложил определенное усилие, чтобы его голос звучал как можно более нейтрально, хотя его так и подмывало перейти на «прокурорский» тон.

— Игорь Константинович, вы курите? — совершенно

неожиданно прозвучал вопрос Золотницкой.

– Да ... а что? – несколько «сбился с ритма» Рожков.

– Дайте пожалуйста закурить, – как-то жалобно-просяще прозвучала просьба не в унисон ко внешности этой властной и успешной женщины.

Рожков достал пачку сигарет, протянул собеседнице и тут же предупредительно щелкнул зажигалкой.

– Спасибо, – поблагодарила Золотницкая прикурив. – Я вообще-то курю крайне редко, когда волнуюсь сильно, чтобы успокоиться, – несмотря на признание на ее лице не просматривалось никаких следов особого волнения, скорее сосредоточенность и интенсивная работа мысли. Несколько раз затянувшись и выпустив дым она, наконец, заговорила. – Знаете, а я частично признаю то, что там написано. Глупо отрицать то, что есть на самом деле. Действительно в Пассаже торгуют в основном армяне, а на рынке азербайджанцы, и магазины в основном им принадлежат. Но так не только у нас в районе, так по всей Москве. Вы же не будете отрицать этого, что наш район чем-то выделяется? – Золотницкая вновь затянулась. – А это значит, что надо привлекать не одну меня, а всех чиновников, занимающихся потребительской торговлей, вплоть до тех, кто сидит в мэрии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.